

СТРУКТУРНО-ПРОЦЕСУАЛЬНА МОДЕЛЬ НАРАТИВНОГО КОНСТРУЮВАННЯ ОПЫТА ЛИЧНОСТІ

Рудницька С.Ю. Структурно-процесуальна модель наративного конструювання досвіду особистості.

Анотація. У статті представлено структурно-процесуальну модель наративного конструювання досвіду особистості та характеризується її основні компоненти: стратегії і механізми наративного конструювання досвіду та відповідні конфігурації зовнішнього і внутрішнього контекстів особистості, рівні сформованості інтерпретаційних процесів і критерії їх визначення, когнітивні та метакогнітивні підпроцеси наративного конструювання досвіду особистості.

У контексті психолого-герменевтичного підходу обґрунтовано, що особливості перебігу когнітивних і метакогнітивних процесів особистості зумовлюють різні конфігурації співвідношень внутрішнього та зовнішнього контекстів, що, у свою чергу, визначає основні рівні сформованості інтерпретаційних процесів особистості: передсмысловий, смысловий і метасмысловий. Визначено, що на передсмысловому рівні, стратегія наративного конструювання досвіду особистості є стагнуючою, а провідним механізмом наративного конструювання досвіду постає процес квазіінтерпретації, зумовлений жорсткою фіксацією тексту особистості щодо одного з контекстів (зовнішньо-контекстуальна або внутрішньо-контекстуальна домінанта). Як основний механізм наративного конструювання досвіду на смысловому рівні виділено інтерпретацію із застосуванням запозичених соціокультурних схем, що визначається неузгодженістю контекстів: дезінтеграцією зовнішніх контекстів, інфантилізмом внутрішнього контексту, поляризацією зовнішнього і внутрішнього контекстів. На метасмысловому рівні провідним механізмом наративного конструювання досвіду є створення власних інтерпретаційних схем, що здійснюється в процесі діалогу з Іншим. Показано, що сформованість інтерпретаційних процесів на смысловому

і метасмислового рівня визначає розвиваючі стратегії дискурсивного конструювання досвіду особистості.

Ключові слова: *рівні сформованості інтерпретаційних процесів особистості, дискурсивне конструювання досвіду, зовнішній і внутрішній контекст особистості, стратегії дискурсивного конструювання досвіду особистості.*

Rudnytska S.Y. Structural-procedural model of narrative construction of personality's experience.

Abstract. *The article deals with a structural-procedural model of narrative construction of personality's experience and characterizes its main components: strategies and mechanisms of narrative construction of experience and corresponding configurations of external and internal contexts of personality, levels of formation of interpretive processes and criteria for their definition, cognitive and metacognitive subprocesses of narrative construction of personality's experience.*

In the context of psychological-hermeneutic approach it is proved that the features of course of cognitive and metacognitive processes of personality determine various configurations of correspondence of internal and external contexts, which in turn determines the basic levels of formation of interpretive processes of personality: pre-semantic, semantic and meta-semantic. It is determined, that the strategy of narrative construction of personality's experience on the pre-semantic level is stagnant, and the leading mechanism of narrative construction of experience is the process of quasi-interpretation conditioned by a rigid fixation of a personality's text on one of the contexts (extra-contextual or intra-contextual dominant). As a main mechanism of narrative construction of experience on the semantic level the author highlights the interpretation with a use of adopted socio-cultural schemes, which is determined by inconsistency of contexts: disintegration of external contexts, infantilism of internal context, polarization of external and internal contexts. The leading mechanism of narrative construction of experience on the meta-semantic level is the creation of own interpretive schemes, which is carried out in the process of dialogue with the Other. The article shows that the formation of interpretive processes on the semantic and metasemantic levels determines the developing strategies of discursive construction of personality's experience.

Key words: *levels of formation of interpretive processes of personality, discursive construction of experience, external and internal*

contexts of personality, strategies of discursive construction of personality's experience.

Постановка проблемы. Актуальной проблемой психологических исследований, обусловленной общественными запросами на определение путей формирования личности, направленной на саморазвитие, способной продуктивно действовать в изменчивых социокультурных условиях, является выделение и анализ ресурсов и ограничений процесса дискурсивного конструирования опыта, решение которой, в свою очередь, будет способствовать созданию эффективных технологий его конструирования в разных сферах социально-психологических практик.

В русле психологической герменевтики, составляющей методологическую базу нашего исследования, дискурсивное конструирование личностного опыта рассматривается как интеграция отдельных разнородных «дискурсивных реальностей» индивида в связную целостность путем речевых практик в процессе личностного смыслообразования.

Дискурсивное конструирование личностью собственного опыта предполагает приведение ею всех своих представлений, понятий, воззрений, принципов, концепций, интерпретационных моделей мира в единую систему, их упорядочивание, организацию в единую связанную структуру, помогающую постичь смысл событий и поступков своей собственной жизни и жизни других. Иными словами, дискурсивное конструирование опыта предполагает процесс его трансформации из личного опыта в личностный – освоенный, присвоенный, осмысленный, ассимилированный, проинтерпретированный, то есть выстроенный самой личностью.

Дискурсивное конструирование опыта может реализовываться личностью как нарративным, так и ненарративным способом (путем описания или рассуждения). Основным видом дискурсивного конструирования опыта является конструирование нарративное, результатом которого становится мультинарратив, расслоенный на отдельные пространственно-временные, событийные и эмоционально-смысловые составляющие.

Опираясь на основные положения нарративной психологии (Р. Барт [1], Й. Брокмейер [4], К. Герген [23], М. Готдинер [24], Ф. Джеймсон [25], Х. Райт [28], Дж. Уард [27], Р. Харре [17], Дж. Шоттер [26]), восходящие к истокам коммуникативно-

диалогического поворота в психологии (М.М. Бахтин [2], Л.С. Выготский [5], Б.Ф. Поршнев [13]), можно заключить, что с помощью механизма нарративизации человек конструирует социокультурный и личный опыт, преобразуя означиваемую реальность в нарративные структуры, приобретающие, в свою очередь, формы интерпретационных схем и моделей [18].

В этом контексте, концепция Д. Карра о нарративном устройстве социальной реальности [22], с нашей точки зрения, открывает перспективы как для обсуждения проблематики нарративного конструирования опыта личностью, так и для понимания процессов смыслопорождения в целом.

Цель статьи: в контексте психолого-герменевтического подхода разработать структурно-процессуальную модель нарративного конструирования опыта личности и охарактеризовать ее основные компоненты.

Результаты теоретического анализа проблемы. Являясь механизмом организации, фиксации и трансляции человеческого опыта, нарративизация обеспечивает действие двух ведущих механизмов культуры. В результате интегративного взаимопроникновения семиотического и коммуникативного механизмов означиваемая реальность конструируется в нарративной форме, позволяющей рассказать Другому о своем понимании этой реальности.

«Выстраивая личный нарратив, человек конструирует в собственном смысловом пространстве определенную иерархию жизненных смыслов, которые структурируют и упорядочивают ее индивидуальный жизненный опыт, а также выстраивает смысловую основу для построения жизненных и личностных проектов на основе интерпретации собственной личности, собственной жизни, а также окружающей социокультурной реальности» [18, 36]. При этом «нарративные структуры выступают в роли интерпретационных рамок, которые человек накладывает на осмысляемую действительность» [14, 47].

Ведущим механизмом нарративного конструирования личностного опыта выступает интерпретация – механизм смыслового обогащения текстового сообщения, открытия в нем смысла, не заложенного в текст его автором. С точки зрения Н.В. Чепелевой, «интерпретация рассматривается как осмысление («набрасывание смысла на текст»), приводящее к усмотрению в сообщении некоторого смысла, отсутствующего в исходном тексте. Она является механизмом

смыслового обогащения текста, осуществляемого благодаря погружению в контекст – личностный, деятельностный, культурный» [20].

Интерпретация представляет собой когнитивный процесс надления конкретным содержанием многомерных составляющих опыта личности, попытку соотнесения ее внутренней «карты мира» с внешней реальностью, стремление наделять значениями определенные понятия и явления; способ осуществления понимания, процесс обретения смысла различных жизнепроявлений (действий, поступков) личности, объективирование ее опыта в знаковой форме.

Важно подчеркнуть, что продуктивное конструирование опыта личности является факультативной составляющей ее развития и предполагает актуализацию ее интегративных ресурсов, направленных на:

- продуктивное переосмысление, переструктурирование, трансформацию опыта личности в соответствии с актуальными целями и задачами;

- генерирование новых форм жизнеосуществления личности, за счет использования ресурсов, порождаемых многоуровневой динамикой смысловой системы личности;

- обеспечение саморазвития как стратегического фактора жизнеосуществления.

Таким образом, интерпретационные процессы разворачиваются в напряженном пространстве их динамического взаимодействия, формируя процессуально-функциональный континуум, интегрируя все смысловые процессы личности с целью установления соответствия между локальными фрагментами ее опыта.

Ведущую роль здесь играют метакогниции [15], обеспечивающие регуляцию процессуальных и результативных аспектов интерпретационной активности человека. Так, благодаря метакогнициям осуществляется регуляция процессуальных и результативных аспектов интерпретационной активности субъекта. В контексте конструирования опыта, метакогниции играют важную роль в процессах саморегуляции и самодетерминации личности. Согласно концепции М.Л. Смутьсон, ведущими метакогнитивными процессами являются:

- интеллектуальная инициация – способность личности к самостоятельной постановке задач;

- стратегичность – адекватность всех выборов в процессе анализа и решения проблемы;
- рефлексия как основа развития и изменения ментальной модели мира;
- децентрация как способность личности посмотреть на проблему с точки зрения Другого [15].

Особенности протекания когнитивных и метакогнитивных процессов личности обуславливают различные конфигурации соотношений внутреннего и внешнего контекстов. Последнее, в свою очередь, определяет основные уровни сформированности интерпретационных процессов личности: предсмысловой (значенческий), смысловой и метасмысловой.

Так, для предсмыслового уровня характерной является внешнеконтекстуальная или внутриконтекстуальная доминанта. Критериальными признаками сформированности интерпретационных процессов личности на этом уровне являются ее умения:

- выделять отдельные элементы опыта;
- оформлять факты в вербальные высказывания;
- выделять определенные ситуации и события и эксплицировать их в текстовые высказывания;
- задавать вопросы другому лицу относительно выделенных элементов опыта (фактов, ситуаций, событий).

Процесс продуцирования интерпретационных процессов на предсмысловом уровне преимущественно обеспечивается когнитивными ресурсами личности.

Для смыслового уровня характерна несогласованность внутреннего и внешнего контекстов, «мерцание» контекстов. Здесь среди критериальных признаков сформированности интерпретационных процессов личности целесообразно выделить ее умения:

- определять в тексте социокультурного нарратива тему, предмет, основную мысль (идею);
- выделять проблему, которая встает перед личностью;
- выдвигать собственные предположения относительно дальнейшего развития содержания «событийной канвы»;
- ставить вопросы Другому и находить ответы, опираясь на внешние источники (вопросы-удивление, вопросы-размышления, вопросы-возражения и т.д.).

Метасмысловой уровень, в свою очередь, характеризуется одновременным «удержанием» личностью как внешнего, так и

внутреннего контекстов. К основным признакам сформированности интерпретационных процессов личности на этом уровне относятся умения:

- предполагать, что именно побудило Другого к созданию определенного нарратива, вступать в диалог с ним;
- рефлексировать основания собственных интерпретационных процессов (ставить вопросы к себе и собственному опыту);
- объединять прошлое, настоящее и будущее в одном нарративе и трансформировать его в лейтмотив;
- анализировать трудности, возникающие при интерпретации нарратива и автонарратива;
- прогнозировать эффект (последствия) от создания определенного нарратива.

При продуцировании интерпретационных процессов на смысловом и метасмысловом уровнях максимально задействуются как когнитивные, так и метакогнитивные ресурсы личности. При этом ведущую роль здесь играют метакогниции, обеспечивающие регуляцию процессуальных и результативных (эффективных) аспектов интерпретационных процессов личности.

Обобщая вышесказанное, можно заключить, что уровень сформированности у индивида процессов интерпретации социокультурных и личных текстов может служить основным критерием выделения стагнирующей и развивающей стратегий конструирования опыта личностью.

Так, в случае сформированности интерпретационных процессов на предсмысловом (значенческом) уровне, стратегия нарративного конструирования опыта личности может быть определена как стагнирующая. Ведущим механизмом нарративного конструирования опыта здесь выступает процесс квазиинтерпретации, обусловленный нарушением взаимодействия внутреннего и внешнего контекстов: «застреванием», «залипанием», жесткой фиксацией текста личности относительно одного из них. В силу такой ригидности смысл и значение текста как фигуры в поле становятся также неподвижными, что соответствует потере способности к творческой поисковой активности субъекта. Его личностные выборы оказываются заблокированными. Человек как бы действует «по сценарию», который может быть имплицитным, неосознаваемым, воображаемым и пр. [7, 8]. Процесс интерпретации блокируется. Конструирование опыта становится невозможным.

Детальной охарактеризуем выделенные нами ситуации стагнации процесса дискурсивного конструирования опыта, обусловленные принципиальным нарушением взаимодействия между внешним и внутренним контекстами.

1. *«Внешне-контекстуальная доминанта»*. В этом случае текст личности фиксируется относительно внешнего контекста. При этом внутренний контекст субъекта по каким-либо причинам для него оказывается «не доступным». Его отсутствие «обесточивает» интерпретационные процессы человека, они могут здесь быть определены как квазиинтерпретационные. Вследствие чего продуктивное конструирование опыта личностью блокируется. Характерным примером здесь может служить тенденция приобретения человеком товаров, рекламируемых в СМИ.

В случае несформированности (недоступности) внутреннего контекста индивида, его опыт не ассимилируется, не присваивается, не становится личностным. Он задается рядом конкретных жизненных ситуаций, определенными образами поведения у них, спецификой взаимодействия с другими людьми и пр. По определению, Н.В. Чепелевой, такой опыт является личным [19]. Среди его основных характеристик можно выделить: диффузность, неотрефлексивность, фрагментарность (разорванность, мозаичность). Основной единицей личного опыта выступает ситуация, а способами его организации являются практики, внутри которых происходит его тематическая и пространственно-временная организация.

2. *«Внутри-контекстуальная доминанта»*. Во втором случае текст личности фиксируется относительно внутреннего контекста. Внешний контекст при этом по какой-либо причине «утрачен» (вне зоны доступа) для личности: обесценен, нивелирован, проигнорирован, не обнаружен, является диффузным, «мерцающим». В его «отсутствии» внутренний контекст будет характеризоваться крайней ригидностью, в результате чего текст личности дезорганизуется, приобретает несвязный расщепленный характер. При этом контекст остается неизменным, а текст служит лишь его подтверждением.

Это ситуация, при которой внутренний контекст как необходимое условие порождения интерпретационных процессов личности является недостаточным для их продуктивного протекания. Такой процесс является «квазиинтерпретацией» (Н.В. Чепелева). Яркой иллюстрацией здесь может послужить первая часть «Притчи про топор».

У одного человека пропал топор. Он вышел во двор за топором, все обыскал и не нашел его. А за воротами стоял сын соседа, он стоял как человек, укравший топор. Он ходил как человек, укравший топор, смотрел, как человек, укравший топор и даже говорил, как человек, укравший топор.

Тут человек, у которого украли топор, споткнулся и увидел, что споткнулся о свой топор. Он его не заметил раньше. Подняв топор, он посмотрел на соседского сына... Тот стоял как человек, который никогда не брал топора, он смотрел как человек, который не может украсть топор...

Таким образом, внутренний контекст, в своем отрыве от внешнего, в силу своей плотности и жесткости, а как следствие, и токсичности просто выдавливает, вытесняет собой живую реальность.

В обоих вышеизложенных вариантах имеет место процесс аннигиляции, который означает снятие контекстуального напряжения, переход в пассивное состояние, выход за пределы действия внешнего и внутреннего контекстов, что блокирует интерпретационные процессы личности. При доминировании одного из контекстов конфигурация «контекст – текст» приобретает замкнутый контур, препятствующий протеканию интерпретационных процессов личности, и, как следствие, конструированию ее опыта.

В свою очередь, сформированность интерпретационных процессов на смысловом и метасмысловом уровнях определяет развивающие стратегии личности.

Так, стратегия конструирования опыта на смысловом уровне может быть определена как смыслопоглощающая. В качестве основных механизмов нарративного конструирования опыта здесь можно выделить интерпретацию с применением заимствованных социокультурных схем, что, в свою очередь, обусловлено несогласованностью внешнего и внутреннего контекстов, «мерцанием» контекстов.

Охарактеризуем основные типы таких рассогласованностей.

1. *Дезинтеграция внешних контекстов.* В ситуации противоречивости содержания внешних контекстов для человека может быть крайне затруднительно осуществление качественной ассимиляции этого опыта: его «фильтрацию», «впитывание», осмысление и вплетение в уже существующую систему личностных и жизненных смыслов и представлений.

В качестве примера можно привести историю современного менеджера, который в случае производственного конфликта параллельно обращается за помощью к коучу, астрологу, психологу, экстрасенсу и священнику. Лечиться одновременно у профессора медицины и гадалки, верить в высокие технологии и силу чеснока против коронавирусной инфекции – вот он, наш новый «ризомный» мир – мир особой грибницы, которая является как бы корнем самой себя, выстраивающей горизонтальные, плоскостные, спонтанные, хаосоподобные связи.

Понятие ризомы отражает базисную для постмодерна деконструктивистскую тенденцию презумпции нивелирования, обесценивания, разрушения классических представлений о структуре текста как семантически централизованной конструкции. основополагающей характеристикой ризомы является ее гетерономность, при чем без потери своей целостности. Она представляет собой «семиотическое звено как клубень, в котором спрессованы самые разнообразные виды деятельности – лингвистической, перцептивной, миметической, жестикуляционной, познавательной; самих по себе языка, его универсальности не существует, мы видим лишь состязание диалектов, говоров, жаргонов, специальных языков» [9, 8].

Очевидным образом, ризомность проявляется в таких свойствах нарративов, как фрагментарность, цитатность, хаотичность сюжета, коллажность, контаминация различных текстовых составляющих.

Так, в культовом постмодернистском романе И. Кальвино «Когда однажды зимней ночью путник...» фабула сводится к бесконечным попыткам написать и прочитать роман. Здесь читатель, он же соавтор этого произведения, постоянно сталкивается с фактами подмены текста, его неспособностью стать завешенным произведением в принципе: итальянский роман заменяется польским, затем появляются японцы, индейцы, Киммерия, начинается фейковая научная дискуссия о фейковой киммерийской литературе.

Другим ярким примером ризомы может послужить философский роман Д.Е. Галковского «Бесконечный тупик». Его текстовое полотно соткано из огромного количества цитат, а каждый его фрагмент является примечанием к какому-то другому фрагменту, при этом ссылки, управляющие переходом от комментария к комментарию, связывают все произведение общей смысловой канвой.

В русле обсуждаемой проблемы, интерес вызывает также последний роман известного аргентинского писателя Х. Кортасара «Книги Мануэля», представляющий собой специфическую книгу в книге, текст, разорванный на клочки или собранный из осколков, в котором ощущение тотальной бессистемности и хаотичности достигается за счет действий героев, делающих вырезки из газет, составляющих коллажи, которые вставляют в текст. Главный герой романа мечется и разрывается между стремлением принять участие в попытке революционного переворота и экзистенциальными исканиями, готовностью к активному протесту и желанием оставаться лишь свидетелем разворачивающихся событий.

В контексте вышесказанного, интерпретация понимается уже не в традиционном герменевтическом смысле, а как процедура плюральной и принципиально произвольной его «семантической центрации». А, в свою очередь, полученные в результате такой интерпретации квазинарративные конструкты в основном просто сводятся к сумме фактов, явлений, поступков героев, ситуаций и событий, а включенность личности в те или иные социокультурные контексты не обеспечивает эмергентный процесс жизнетворчества, благодаря которому может возникать смысл, не являющийся простой суммой уже существующих значений, посредством которых можно было бы описать некоторое событие: «два плюс два» здесь просто функционирует как «два плюс два». В терминах постнеклассической рациональности нарушается принцип холизма, согласно которому целое не больше и не меньше своих частей, оно качественно иное.

В оптике гештальтпсихологии (Ф. Перлз [12], П. Гудмен [12], С. Гингер [6]) контакт личности со средой прерывается здесь на стадии постконтакта, главная задача которой состоит в ассимиляции опыта и его интеграции в систему личностной идентичности, которая, в свою очередь, формируется в результате консолидации опыта в процессе многочисленных социальных взаимодействий. Прерывание контакта на этом этапе приводит к девальвации (обесцениванию), препятствующему продуктивной ассимиляции личностью нового опыта.

Гештальт, оказавшийся незакрытым, в дальнейшем стремится к своему завершению путем многочисленного воспроизведения этой ситуации, в результате чего, образуется личностный паттерн адекватный не актуальному, а «застарелому» контексту, что, в свою очередь, и приводит к обессточиванию смыслопорождающих процессов личности.

2. *Инфантилизм внутреннего контекста* как субъективного фрейма взаимодействия с реальностью, внутри которого воспроизводятся личностная значимость и смысл событий и явлений в жизни человека, образующиеся в результате соотнесения определенного ценностно-смыслового содержания с Другими, что, в свою очередь, приводит к блокированию системной рефлексии (Д.А. Леонтьев), децентрации (М.Л. Смульсон) и, как следствие, торможению процессов интерпретации опыта и смыслопорождения в принципе.

Ярким примером, иллюстрирующим недосформированность, недооформленность, расслоение внутреннего контекста, может послужить главный герой фильма Р. Балаяна «Полеты во сне и наяву», который разрушает остатки несущих конструкций своей пустой и никчемной жизни. «В результате он остается без всего, но это все и не было ему по-настоящему нужно – в своем стеклянном мутном футляре он не видит в том, что имеет, ценности. Оставив жену, поволочившись за молоденькой грациозной девчонкой, получив в морду от грабителей и в очередной раз заняв пятьдесят рублей у загадочной молчаливой женщины, которая много лет любит его, главный герой продувает ухажеру своей молодой пассии и кукарекает на вечеринке в честь дня рождения. Это и есть итог всей его жизни – итог жизни множества людей, вынужденных переосмысливать свой собственный путь и оставаться ни с чем. Экзистенциальная советская драма о кризисе ценностей, несоответствии характера возрасту и просто о потерявшемся человеке, бессмысленно грезящем об уходящих или даже не появлявшихся возможностях. Грезящем туманно, словно во сне, о чем-то ином, но не находящем этого» [11].

Очевидно, что именно эта точка кризиса, точка напряжения потенциально может в дальнейшем стать точкой сборки внутреннего контекста личности.

3. *Поляризация внешнего и внутреннего контекстов.* Здесь граница контакта внешнего и внутреннего контекстов отличается выраженной пунктирностью. Одним из примеров такой разобщенности контекстов является конфликт «внутреннего» и «внешнего» человека, при котором внешнее, «ролевое» существование человека принципиально не совпадает с его внутренней реальностью.

В социокультурном пространстве «ролевая» реализация личности сопряжена с доктриной социального детерминизма и может в постмодернистской терминологии быть описана как «инстинкт театральности», способствующий сглаживанию самобытности

Таблица 1. Структурно-процессуальная модель

	Стратегии нарративного конструирования опыта	Механизмы нарративного конструирования опыта	Конфигурации соотношений внутреннего и внешнего контекстов
	Стагнирующая	Квази-интерпретация	Внешне-контекстуальная/ внутри-контекстуальная доминанта
Развивающие	Смысло-поглощающая	Интерпретация с применением заимствованных социокультурных схем	Несогласованность внешнего и внутреннего контекстов, «мерцание» контекстов
	Смысло-порождающая	Создание собственных интерпретационных схем, осуществляемое в диалоге с Другим	Одновременное «удержание» внешнего и внутреннего контекстов

нарративного конструирования опыта личности

Уровни сформированности интерпретационных процессов	Критерии определения уровней сформированности интерпретационных процессов
Предсмысловой (значенческий)	<p><i>Умения:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – выделять отдельные элементы опыта; – оформлять факты в вербальные высказывания; – выделять определенные ситуации и события и эксплицировать их в текстовые высказывания; – задавать вопросы другому лицу относительно выделенных элементов опыта (фактов, ситуаций, событий).
Смысловой	<p><i>Умения:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – определять в тексте социокультурного нарратива тему, предмет, основную мысль (идею); – выделять проблему, которая встает перед личностью; – выдвигать собственные предположения относительно дальнейшего развития содержания «событийной канвы»; – ставить вопросы Другому и находить ответы, опираясь на внешние источники (вопросы-удивление, вопросы-размышления, вопросы-возражения и т.д.).
Метасмысловой	<p><i>Умения:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – предполагать, что именно побудило Другого к созданию определенного нарратива, вступать в диалог с ним; – рефлексировать основания собственных интерпретационных процессов (ставить вопросы к себе и собственному опыту); – объединять прошлое, настоящее и будущее в одном нарративе и трансформировать его в лейтмотив; – анализировать трудности, возникающие при интерпретации нарратива и автонарратива; – прогнозировать эффект (последствия) от создания определенного нарратива.

индивида. Здесь метафора «внешнего человека» в определенной степени отражает мнимость человеческого бытия в принципе.

Иллюстрацией вышеобозначенного могут служить многочисленные герои произведений А.П. Чехова. В этой связи, В.С. Мазенко, анализируя творчество автора, наглядно показывает, что «внешнее ролевое существование чеховских героев катастрофически не совпадает с их подлинной внутренней жизнью» [10, 6].

Так, погружение в «ролевую стихию» приводит к «внутреннему разлому» Гурова – персонажа знаменитого чеховского рассказа «Дама с собачкой». «У него были две жизни: одна явная, которую видели и знали все, кому это нужно было, полная условной правды и условного обмана, похожая совершенно на жизнь его знакомых и друзей, и другая – протекавшая тайно. И по какому-то странному стечению обстоятельств, быть может, случайному, все, что было для него важно, интересно, необходимо, в чем он был искренен и не обманывал себя, что составляло зерно его жизни, происходило тайно от других, все же, что было его ложью, его оболочкой, в которую он прятался, чтобы скрыть правду, как, например, его служба в банке, споры в клубе, его «низшая раса», хождение с женой на юбилеи, – все было явно» [21, 141–142].

С точки зрения В.А. Бачинина, между внутренним и внешним человеком возможны три основных типа взаимоотношений:

«1. внутренний человек однозначно и безапелляционно господствует над внешним, использует последнего в качестве служебного инструмента;

2. внутренний человек и внешний человек находятся в отношениях перманентной конфронтации, складывающейся из попеременных доминирований то одной, то другой стороны, а также из периодически устанавливаемых компромиссных, равновесно-динамичных отношений;

3. внутренний человек пребывает в дремотном или анемическом состоянии, почти не дает о себе знать и потому находится в полном подчинении у внешнего человека, практически не обнаруживая сколько-нибудь явных и достаточно заметных поползновений к перемене своего унижительного, рабского статуса» [3].

Очевидно, что именно первый тип описанных выше конфигураций отношений «внутреннего» и «внешнего» человека

содержит в себе потенциал «вращения», формирования смыслопорождающей стратегии конструирования личного и жизненного опыта.

Яркими примерами, иллюстрирующими драматическую борьбу «внутреннего» и «внешнего» человека (второй тип их взаимоотношений по В.А. Бачинину), могут служить многочисленные кинематографические произведения такие, как: «Правила игры» (Ж. Ренуар), «Белые ночи» (Л. Висконти), «Персона», «Час волка» (И. Бергман), «Кто боится Вирджинии Вулф?» (М. Николс), «Солярис» (А. Тарковский), «Охота на лис» (В. Абдрашитов), «Прекрасная спорщица» (Ж. Риветт) и пр.

В результате такой борьбы у «внутреннего» человека может сформироваться готовность разорвать путы, скинуть маску, бросить вызов «внешнему» существованию, «пробиться» к своему подлинному «Я», начать выстраивать собственную смысловую систему («Сталкер», «Солярис», «Андрей Рублев», «Зеркало» (А. Тарковский), «Кровь поэта», «Завещание Орфея» (Ж. Кокто), «Из жизни марионеток» (И. Бергман), «Отсчет утопленников» (П. Гринуэй), «Скромное обаяние буржуазии» (Л. Бунюэль), «Сны» (А. Куросава) и др.).

Однако, вследствие доминирования «внешнего» человека, маска может прирасти к лицу (третий тип по В.А. Бачинину). Драматичность такого исхода глубоко раскрыта в кинокартинах «Эта спортивная жизнь» (Л. Андерсон), «Часа волка» (И. Бергман), «Простая формальность» (Д. Горнаторе).

Таким образом, на смысловом уровне личность, безусловно, обладает готовностью вступать в диалогические отношения с Другим, однако этот диалог еще характеризуется прерывистостью своего звучания, его контуры рваные, дискретные, пунктирные, деформированные (растянутые) в результате периодического застревания субъекта как на «внешних», так и на «внутренних» контекстах своего жизненного опыта. Именно через эти разрывы и прорывается «напористое дыхание» монологичности, парализующее выстраивание личностью собственной смысловой системы.

В свою очередь, ведущим механизмом нарративного конструирования опыта на метасмысловом уровне является создание собственных интерпретационных схем, осуществляемое личностью в процессе диалога с Другим (по М.М. Бахтину). Соответственно, стратегию конструирования опыта на этом уровне можно определить как смыслопорождающую. Иллюстрацией вышесказанного может

послужить кинокартина «Излечить страх» (А.И. Пархоменко), в основе сюжета которой лежит драматичная судьба великого хирурга и священнослужителя В.Ф. Войно-Ясенецкого.

Процесс формирования смысловой системы личности представляет собой сложный нелинейный динамический синтез новой целостности, ответственной за общую направленность ее жизни. Мировая художественная литература содержит многочисленные примеры попыток построения смысловых систем личности («Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» (Ф.М. Достоевский), «Бремя страстей человеческих» (С. Моэм), «Игра в бисер», «Степной волк» (Г. Гессе), «Пари» (А.П. Чехов), «Вероника решает умереть» (П. Козьло), «Бегство от безопасности», «Иллюзии» (Р. Бах), «Искра жизни» (Э.М. Ремарк), «Цитадель» (А. де Сент-Экзюпери), «Над пропастью во ржи» (Дж.Д. Сэлинджер), «Дорога» (К. Маккарти), «Отец-лес» (А. Ким), «Пробуждение» (Г. Газданов), «Аустерлиц» (В. Зебальд), «Никогда не отпускай меня» (К. Исигуро) и пр.).

Изложенные выше концептуальные положения систематизированы и представлены в таблице 1.

Таким образом, предложенная нами структурно-процессуальная модель нарративного конструирования опыта личности включает стратегии и механизмы нарративного конструирования опыта, соответствующие им конфигурации внешнего и внутреннего контекстов, уровни сформированности интерпретационных процессов и критерии их определения, когнитивные и метакогнитивные подпроцессы нарративного конструирования опыта и может служить концептуальным основанием для разработки структурно-смысловой модели нарративного конструирования опыта в контексте развития личности.

Литература

1. Барт, Р. (1996). *Мифология*. Москва: Изд-во им. Сабашниковой.
2. Бахтин, М. М. (1975). Формы времени и хронотопа в романе. *Вопросы литературы и эстетики: сборник* (с. 234–407). Москва: Художественная литература.
3. Бачинин, В. А. (2012). *Теология, социология и антропология литературы: вокруг Достоевского*. Киев: Дух и літера.

4. Брокмейер, Й., & Харре, Р. (2000). Нарратив : проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы. *Вопросы философии*, 3, 29–42.
5. Выготский, Л. С. (1987). *Психология искусства*. Москва: Педагогика.
6. Гингер, С., & Гингер, А. (1999). *Гештальт – терапия контакта*. Санкт-Петербург : Специальная Литература.
7. Гуцол, С. Ю. (2007). Метафора як спосіб символічного вираження внутрішнього досвіду особистості. *Вісник Національного технічного університету України «Київський політехнічний інститут»*. *Філософія. Психологія. Педагогіка*. 3 (21), Ч. 2. 109–116.
8. Гуцол, С. Ю. (2011). Психологічні особливості структурних складових неоміфологічного нарративу. *Вісник Національного технічного університету України «Київський політехнічний інститут»*. *Філософія. Психологія. Педагогіка*. 1. 103–108.
9. Делез, Ж., & Гваттари, Ф. (1996). Ризома. *Философия эпохи постмодернизма* (с. 9–31). Минск: Красико-принт.
10. Мазенко, В. С. (2004). *Игровое начало в произведениях А. П. Чехова*. (Автореф. дисс. ... канд. филол. наук). Воронеж.
11. Мор, С. (n.d.) Рецензия на фильм Р. Балаяна «Полеты во сне и наяву». URL: <http://www.ekranka.ru/film/1309/>
12. Перлз, Ф., & Гудмен, П. (2001). *Теория гештальттерапии*. Москва: Институт Общегуманитарных исследований.
13. Поршнев, Б. Ф. (1979). *Социальная психология и история*. Москва: Наука.
14. *Проблемы психологической герменевтики* (2009). (Н. В. Чепелева, Ред.). Киев: Изд-во Национального педагогического ун-та им. Н. П. Драгоманова.
15. Смутьсон, М. Л. (2003). *Психология розвитку інтелекту*: монографія. Київ: Нора-Друк.
16. Фуко, М. (1999). Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. Москва: Ad Marginem.
17. Харре, Р. (1996). Вторая когнитивная революция. *Психологический журнал*, Т. 17, 2, 3–15.
18. Чепелева, Н. В. (2013). Методологические основы исследования личности в контексте психологической герменевтики. *Личность и ее жизненный мир*: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 20-летию факультета психологии ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск,

3–4 октября 2013 г.). (Л. И. Дементий, Ред.) (с. 34–39). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та.

19. Чепелева, Н. В. (2003). Психологические механизмы понимания и интерпретации личного опыта. *Мова і культура (Науковий щорічний журнал)*. Т. II. *Психологія мови і культури. Мова і засоби масової комунікації*, 6, 25–33.

20. Чепелева, Н. В. (2017). Розуміння – Інтерпретація – Тлумачення. *Технології розвитку інтелекту*. Т. 2. 6 (17). Режим доступу: http://psytir.org.ua/index.php/technology_intellect_develop/article/view/301

21. Чехов, А. П. (1986). Дама с собачкой. В *Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах: Сочинения. 1898–1903 (Т. 10)*. Москва: Наука.

22. Carr, D. (1991). *Time, Narrative and History*. Bloomington ; Indianapolis: Indiana University Press.

23. Gergen, K. J. (1973). Social Psychology as History. *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 26, 309–320.

24. Goddiener, M. (1998). Postmodern Sensitivities. *Material Culture & the Form of postmodern life*. Oxford: Blackwell.

25. Jameson, F. (1981). The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act. Ithaca, NY: Cornell University Press.

26. Shotter, J. (1997). The Social Construction of our Inner Selves. *Journal of Constructivist Psychology*. Vol. 10. 7–24.

27. Ward, G. (1997). *Postmodernism*. London, Chicago: McGraw-Hill Trade.

28. Write, H. (1973). *Metahistory: The Historical Imagination in the Nineteenth-Century Europe*. Baltimore, London: Johns Hopkins University Press.

References

1. Bart, R. (1996). Mifologiya [Mythology]. Moscow: Sabashnikov Publishing house. [in Russian].

2. Bakhtin, M. M. (1975). Formy vremeni i khronotopa v romane [Forms of time and chronotope in the novel]. In *Voprosy literatury i estetiki : sbornik - Literature and aesthetics: a collection*. (pp. 234–407). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. [in Russian].

3. Bachinin, V. A. (2012). *Theology, sociology and anthropology of literature: around Dostoevsky*. Kiev: Dukh i litera, 2012. [in Russian].

4. Brockmeyer, J., & Harre, R. (2000). Narrativ: problemy i obeshchaniya odnoy al'ternativnoy paradigmy. [Narrative: problems and promises of one alternative paradigm]. *Voprosy filosofii – Philosophy questions*, 3, 29–42. [in Russian].

5. Vygotsky, L. S. (1987). *Psikhologiya iskusstva*. [Psychology of art]. Moscow: Pedagogika. [in Russian].

6. Ginger, S., & Ginger, A. (1999). *Gestalt - contact therapy*. St. Petersburg: Special Literature. [in Russian].

7. Hutsol, S. Yu. (2007) Metafora yak sposib symvolichnoho vyrazhennya vnutrishnoho dosvidu osobystosti [Metaphor as a way of symbolic expression of inner experience of personality]. *Visnyk Natsionalnoho tekhnichnoho universytetu Ukrayiny «Kyyivskyy politekhnichnyy instytut»*. *Filosofiya. Psykholohiya. Pedahohika-Bulletin of the National Technical University of Ukraine "Kyiv Polytechnic Institute"*. *Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 3 (21), part 2. 109–116. [in Ukrainian].

8. Hutsol, S. Yu. (2011). Psykholohichni osoblyvosti strukturnykh skladovykh neomyfolhinoho naratyvu [Psychological features of the structural components of the neomyfolgin narrative]. *Visnyk Natsionalnoho tekhnichnoho universytetu Ukrayiny «Kyyivskyy politekhnichnyy instytut»*. *Filosofiya. Psykholohiya. Pedahohika - Bulletin of the National Technical University of Ukraine "Kyiv Polytechnic Institute"*. *Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 1, 103–108. [in Ukrainian].

9. Deleuze, J., & Guattari, F. Rizoma. *Filosofiya epokhi postmodernizma* [Rizoma]. In *Filosofiya epokhi postmodernizma – Philosophy of the postmodern era* (pp. 9–31). Minsk: Krasiko-print. [in Russian].

10. Mazenko, V. S. (2004). *Game beginning in the works of A. P. Chekhov*. Abstract cand. thesis. Voronezh. [in Russian].

11. Mor, S. (2008). Retsenziya na fil'm R. Balayana «Polety vo sne i nayavu» [Review of R. Balayan's film "Flights in dreams and in reality"]. Retrieved from <http://www.ekranka.ru/film/1309/> [in Russian].

12. Perls, F., & Goodman, P. (2001). *Teoriya geshtal'tterapii* [The theory of gestalt therapy]. Moscow: Institute of General Humanitarian Research. [in Russian].

13. Porshnev, B. F. (1979). *Sotsial'naya psikhologiya i istoriya* [Social psychology and history]. Moscow: Nauka. [in Russian].

14. Problemy psikhologicheskoy germeneytiki [Problems of psychological hermeneutics] (2009). N. V. Chepeleva (Ed.). Kiev: Publishing house N. P. Dragomanov National Pedagogical University. [in Russian].

15. Smulson, M. L. (2003). *Psykhohohiya rozvytku intelektu* [Psychology of intelligence]. Kyiv: Nora-Druk. [in Ukrainian].

16. Foucault, M. (1999). *Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdeniye tyur'my.* [Discipline and Punish: The Birth of a Prison]. Moscow: Ad Marginem. [in Russian].

17. Harre, R. (1996). Vtoraya kognitivnaya revolyutsiya [The second cognitive revolution]. *Psikhologicheskiiy zhurnal – Psychological journal*, Vol. 17, 2. 3–15. [in Russian].

18. Chepeleva, N. V. (2013). Metodologicheskiye osnovy issledovaniya lichnosti v kontekste psikhologicheskoy germeneytiki [Methodological foundations of personality research in the context of psychological hermeneutics] L. I. Dementy (Eds.). In *Lichnost' i yeye zhiznenny mir – Personality and its life world: Proceedings All-Russian scientific and practical conference with international participation, dedicated to the 20th anniversary of the Faculty of Psychology of F.M.Dostoevsky Omsk State University (Omsk, October 3-4, 2013)* (pp. 34–39). Omsk: Publishing house Omsk state University [In Russian].

19. Chepeleva, N. V. (2003). Psikhologicheskiye mekhanizmy ponimaniya i interpretatsii lichnogo opyta [Psychological mechanisms of understanding and interpretation of personal experience]. *Mova i kultura (Naukovyy shchorichnyy zhurnal). T. II. Psykhohohiya movy i kultury. Mova i zasoby masovoyi komunikatsiyi. Vyp. 6. - Language and Culture (Scientific Annual Journal). Vol. II. Psychology of language and culture. Language and mass media, Issue 6, 25–33.* [in Russian].

20. Chepeleva, N.V. (2017). Rozuminnyya – Interpretatsiya – Tlumachennyya. [Understanding – Interpretation – Interpretation]. *Intelligence development technologies. – Technologies of intellect development*, Vol. 2, 6 (17). Retrived from: http://psytir.org.ua/index.php/technology_intellect_develop/article/view/301. [in Ukrainian].

21. Chekhov, A. P. *Dama s sobachkoy.* [Lady with a dog]. In *Complete works and letters in 30 volumes. Vol. 10. Works 1898-1903.* Moscow: Nauka. [in Russian].

22. Carr, D. (1991). *Time, Narrative and History.* Bloomington; Indianopolis: Indiana University Press.

23. Gergen, K. J. (1973)S. ocial Psychology as History. *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 26, 309–320.

24. Gotdiener, M. (1998). Postmodern Sensioties. *Material Culture & the Form of postmodern life.* Oxford: Blackwell.

25. Jameson, F. (1981). *The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
26. Shoter, J. (1997). The Social Construction of our Inner Selves. *Journal of Constructivist Psychology*. Vol. 10. 7–24.
27. Ward, G. (1997). *Postmodernism*. London, Chicago: McGraw-Hill Trade.
28. White, H. (1973). *Metahistory: The Historical Imagination in the Nineteenth-Century Europe*. Baltimore, London : Johns Hopkins University Press.

Актуальні проблеми психології. Т.2. 2021. Вип. 13.
Actual problems of psychology: coll. science. G.S. Kostyuk Institute of Psychology,
National Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine, Volume II., Issue 13,2021.
ISSN 2072-4772